

дружбою с моими братьями и ко всем нам питал чувство глубокой преданности». Известен факт, что по просьбе Раевского-отца Пушкин написал эпитафию на смерть первенца Марии Николаевны, Николеньки:

*В сияньи, в радостном покое,
У трона вечного творца,
С улыбкой он глядит в изгнание земное,
Благословляет мать и молит за отца...*

Также известен факт, что после смерти генерала его супруга, София Алексеевна (внучка М.В. Ломоносова), оказавшись без пенсионера, без средств, с расстроенными делами и долгами, обратилась к Пушкину с просьбой ходатайствовать перед императором об оказании ей помощи. И Пушкин, почитая это дело своим «священным долгом», обращается с письмом к Бенкендорфу. Письмо написано 18 января 1830 года, — прошло четыре месяца как арестован по доносу Николай Раевский-сын за его связи с высланными на Кавказ декабристами. Приводим это письмо (в переводе с французского), чтобы увидеть столь замечательный пример обращения поэта к важному чиновнику, написанного искренно на языке сердечной дипломатии:

«...Узами дружбы и благодарности связан я с семейством, которое ныне находится в очень несчастном положении: вдова генерала Раевского обратилась ко мне с просьбою замолвить за нее слово перед теми, кто может донести ее голос до царского престола. То, что ее выбор пал на меня, само по себе уже свидетельствует, до какой степени она лишена друзей, всяких надежд и помощи. Половина семейства находится в изгнании, другая — накануне полного разорения. Доходов едва хватает на уплату процентов по громадному долгу. Госпожа Раевская ходатайствует о назначении ей пенсии в размере полного жалования покойного мужа, с тем, чтобы эта пенсия перешла дочерям в случае ее смерти. Этого будет достаточно, чтобы спасти ее от нищеты. Прибегая к Вашему Превосходительству я надеюсь судьбой вдовы героя 1812 года — великого

человека, жизнь которого была столь блестяща, а кончина так печальна, — заинтересовать скорее воина, чем министра, и доброго, отзывчивого человека скорее, чем государственного мужа...». Просьба была удовлетворена, и вдова героя Отечественной войны получила довольно значительную пенсию в размере двенадцати тысяч рублей в год золотом.

Другое обстоятельство, в котором, на наш взгляд, Раевский показал себя человеком «без предрассудков», объективным и независимым, не желающим пользоваться не заслуженной им славой, связано с поступком генерала в бою под Салтановкой. Когда он, как приписала ему народная слава, в решительный момент повел в атаку Смоленский полк, взяв за руки двух своих несовершеннолетних отроков. Сам Раевский эту красивую и символическую историю отрицал. По воспоминаниям поэта Константина Батюшкова, адъютанта генерала, на его слова: *«Но помилуйте, ваше высокопревосходительство, не вы ли, взяв за руку детей ваших и знамя, пошли на мост, повторяя: вперед, ребята; я и дети мои откроем вам путь к славе, или что-то тому подобное»* — Раевский засмеялся. *«Я никогда так не говорю витиевато, ты сам знаешь. Правда, я был впереди. Солдаты пятились, я ободрял их. Со мною были адъютанты, ординарцы. По левую сторону всех перебило и переранило, на мне остановилась картечь. Но детей моих не было в эту минуту. Младший сын сбирал в лесу ягоды (он был тогда суций ребенок, и пуля ему прострелила панталоны); вот и все тут, весь анекдот сочинен в Петербурге. Твой приятель (Жуковский) воспел в стихах. Граверы, журналисты, нубеллисты воспользовались удобным случаем, и я пожалован римлянином». Вскоре, после сражения, Раевский написал к сестре своей супруги: «Сын мой, Александр, выказал себя молодцом, а Николай даже во время самого сильного огня беспрестанно шутил; этому пуля прорвала брюки; оба сына повышены чином». Вспомним также описание Дениса Давыдова: «После сего*